

Моргана
РЕДЖ

СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Кавказский

ЗВЕРЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Моргана Редж

Кавказский зверь

«Автор»

2026

Редж М.

Кавказский зверь / М. Редж — «Автор», 2026

Я ловлю ее за локоть в тесной подсобке среди ящиков с пивом. Запах ее шампуня перебивает запах затхлого воздуха. Она вырвалась из бара после того, как облила мой рукав текилой.— Где я тебя видел? — мой голос хриплый. Я прижимаю ее к стене, чувствую, как дрожит ее тело под тонкой тканью корсета.— Нигде. Я не Я просто официантка. Он - боец по прозвищу Зверь. Она - девушка, чей отец не признает ее. Их встреча случайна, и кажется они предназначены друг для друга. Альтернативная Россия. Все события и традиции вымышлены.

© Редж М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	7
Глава 3.	9
Глава 4.	11
Глава 5.	13
Глава 6.	15
Глава 7.	17
Глава 8.	20
Глава 9.	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Моргана Редж

Кавказский зверь

Глава 1.

Амир

Пар еще клубится за моей спиной, когда я выхожу из душа, вытирая стекающую по шее воду полотенцем. Кожа горит после боя, каждое движение отзывается приятной усталостью в мышцах. Победа. Быстрая, без изысков. Зверь сделал свое дело.

Я почти не слышу шагов — легких, шаркающих. Потом резкий удар в грудь, и кто-то отскакивает от меня с тихим вскриком.

Падающее ведро, звяканье швабры, разлетающиеся по грязному кафельному полу тряпки.

Передо мной девушка. Серый безразмерный балахон, темный платок, закрывающий волосы и шею. Только лицо — широкое, смуглое, с огромными глазами цвета темного меда, которые сейчас полны чистого, животного ужаса. Она смотрит на меня, а потом ее взгляд резко опускается — и застревает где-то ниже пояса.

Я забыл, что голый. В раздевалке после боя это норма. Но сейчас, перед этой девушкой, это... Неправильно.

И мое тело, предательское, тут же реагирует. Быстро, грубо, без моего разрешения. Кровь, еще горячая от драки, устремляется в одну точку. Я вижу, как она замечает это. Как ее глаза становятся еще больше, а щеки заливают густой румянец. Она отворачивается, бормочет что-то невнятное, хватается за рассыпавшиеся тряпки.

— Простите, простите, я не... я не видела...

Ее голос тихий, сдавленный. Она не смотрит на меня. Ее пальцы дрожат, когда она пытается собрать мокрые тряпки обратно в ведро.

Я должен что-то сказать. Сказать, чтобы она успокоилась. Обругать. Что угодно. Но слова застревают где-то в горле. Я просто стою, сжимая полотенце в кулаке, чувствуя, как напряжение медленно, слишком медленно спадает. Мое тело, обычно послушное оружие, ведет себя как у пацана-подростка.

Я отворачиваюсь, накидываю полотенце, прикрываясь. Делаю глубокий вдох. Воздух пахнет плесенью, потом, дешевым мылом и... чем-то еще. Ванилью? Шампунем? От нее. Этот нежный запах странно режет ноздри после тяжелого запаха крови и пота с ринга.

— Уходи, — наконец выдавливаю я. Голос звучит грубее, чем я планировал.

Она вздрагивает, подскакивает, хватается ведро и швабру. И вот она уже почти скрылась за углом, когда оборачивается. Ее глаза встречаются с моими на секунду.

— Пожалуйста, — шепчет она, и в этом шепоте слышится настоящая мольба. — Не говорите господину Ахметову. Он... он накажет.

И исчезает.

Я стою один в коридоре. Только капающая вода из душа нарушает тишину. Я медленно выдыхаю, сжимаю кулаки до хруста в костяшках. Что это было?

Зверь внутри, тот, что только что ломал ребра сопернику на ринге, затих, насторожился. Его смутило это. Это столкновение. Этот страх в ее глазах. Этот стыдливый румянец. И моя собственная, дикая и мгновенная реакция на нее. На девчонку в мешке, которая моет полы.

Я трясую головой, иду к своей кабинке. Одеваюсь механически, зашнуровывая кроссовки с силой, будто пытаюсь задушить что-то внутри. Не надо. Не думать. Это просто случайность. Адреналин еще не отошел, тело ищет выход. Все просто.

Но когда я выхожу на улицу, в прохладную ночь, запах ванили все еще стоит в носу. И перед глазами — не лицо поверженного противника, а два огромных испуганных глаза цвета меда, полных такого стыда, что мне самому стало не по себе.

Я сажусь в машину, бью кулаком по рулю. Один раз, резко. Глухой удар эхом отдается в тишине салона.

— Забудь, — говорю я себе вслух. — Она никто. Просто работница.

Но Зверь внутри не верит. Он учуял что-то. И теперь настороже.

Глава 2.

Амир

за несколько часов до столкновения в душе

Воздух в зале густой от пота, пыли и железа. Он вливается в легкие с каждым моим вдохом. Я стою посреди тренировочного ринга, смотрю, как двое молодых пацанов бьют по мешкам. Ритм сбивчивый, дыхание свистит.

— Ноги, Ирлан! Ноги не приклеены! Работай! — мой голос режет тишину, как удар бича.

Ирлан, двадцатилетний детина с умными глазами и пока еще медленными ногами, кивает, учащает темп. Он талантлив. Голоден. Но голода недостаточно. Нужна ярость. Контролируемая. Та, что живет где-то внизу живота и ждет своего часа.

Я спрыгиваю с ринга, прохожу мимо стоек. Мои собственные мышцы ноют приятной, привычной болью — утренняя пробежка в горы, два часа спарринга с самым упрямым из ребят. Колено, то самое, предательски щелкает, но держит. Всегда держит, пока адреналин в крови.

Ко мне подходит Руслан, мой старый друг и по совместительству массажист. В руках у него бинты.

— Готов к вечеру? Противник — новое лицо. Молодой, голодный. Говорят, из горных селений, дрался на свадьбах.

Я молча протягиваю руки. Его толстые пальцы ловко начинают обматывать мои кисти, суставы. Ритуал. Каждый раз один и тот же. Белая ткань плотно облегает кожу, защищая, сковыывая, превращая руку в оружие.

— Нужны деньги? — Руслан бросает на меня взгляд исподлобья.

Я качаю головой. Не только деньги. Мне нужен бой. Чувство свободного падения перед ударом. Мгновение, когда мир сужается до размера клетки, а твое тело становится разумом. Это единственное, что заставляет меня чувствовать себя живым после того, как большая карьера осталась там, за тонкой гранью медицинских заключений.

— Просто размяться, — бурчу я.

Руслан хмыкает, не веря. Он знает. Все знают. Зверя нельзя держать в клетке. Его нужно иногда выпускать, чтобы он не сожрал самого себя изнутри.

Подвал клуба «Асгард» гудит, как раненый зверь. Громкая электронная музыка, крики, звон стекла, тяжелый запах дешевого парфюма, дорогого табака и человеческого возбуждения. Я прохожу через толпу к рингу. На меня оборачиваются. Шепчут: «Тарханов. Зверь.» Кто-то хлопает по плечу. Я не реагирую.

В раздевалке тихо. Я снимаю спортивку, остаюсь в шортах. Смотрю на свое отражение в потрескавшемся зеркале. Короткая щетина на голове, борода, шрамы на теле как карта забытых войн. Глаза темные, пустые. Глаза бойца. Я включаю их, как щелчком выключателя. Выдавливую из себя все, что не про драку. Страх, сомнения, усталость. Даже ту смутную, назойливую мысль о том, что жизнь могла бы быть другой.

Выхожу. Ослепляющий свет софитов над рингом. Рев толпы нарастает. Мой противник — долговязый парень с дерзким взглядом. Он прыгает на месте, разминается. Уверен в себе. Хорошо.

Гонг.

Мир схлопывается. Звуки отдаляются. Я двигаюсь вперед, не спеша. Парень бросается, серия быстрых ударов. Я уклоняюсь, ловлю его ритм. Он быстр, но предсказуем. Чувство — как будто читаешь книгу на знакомом языке. Я пропускаю легкий джеб — проверка. Удар отдается глухой болью в скуле. Хорошо. Проснулся.

Зверь внутри приоткрывает один глаз.

Парень заносится для мощного удара ногой. Идеально. Я делаю шаг внутрь, под его атаку, блокирую голень, и моя правая рука, туго забинтованная, коротко и жестко бьет ему в корпус. Слышу хриплый выдох. Он отступает, в глазах — уже не уверенность, а паника.

Теперь моя очередь. Я не зря на тренировках гоняю этих пацанов. Адреналин — это хорошо, но холодная, расчетливая ярость — лучше. Я прессую его, загоняю в угол. Мои удары не самые красивые, но эффективные. По печени, по ребрам. Каждый удар — выпуск пара. Каждый точный пропуск — напоминание, что я еще жив. Что это тело, это сломанное колено, еще меня слушается.

Он пытается клинчить, уцепиться. Я легко выхожу из захвата, провожу удар локтем в голову. Он оседает. Толпа сходит с ума. Где-то в первых рядах Фарид Ахметов, хозяин этого цирка, довольный ухмыляется. Для него это шоу. Для меня — единственная правда.

Я нависаю над противником. Судья оттаскивает меня. Победа. Техническим нокаутом. Все как обычно.

Рев толпы обрушивается на меня лавиной. Но я уже не слышу. Я уже мысленно там, в раздевалке, под ледяной водой душа. Смываю с себя чужие брызги слюны, кровь не мою — его, этот парень теперь будет помнить. Смываю этот дикий, первобытный рев внутри, который утихает, оставляя после себя только пустоту и знакомую, костную усталость.

Беру полотенце. Выхожу в коридор, и направляюсь в душ, уже думая о холодном пиве в баре через дорогу. О тишине своей квартиры. Ни о чем.

И вдруг слышу голос Ахметова:

— Никчемная идиотка! Чтоб блестело тут все уже через полчаса! Неуклюжая бестолочь, отъела задницу...

И на кого он так разошелся? К чему эти оскорбления? Потихоньку подхожу ближе, чтобы увидеть, что происходит.

Вижу Ахметова с сигарой в руке и стаканом с янтарной жидкостью. Расхаживает вальяжно, как лев, учуяв добычу. А перед ним... Девчонка, покрытая, непонятно во что одетая, и фигуру не разглядеть. Как можно оскорблять девушку, тем более так лично и с ненавистью?

— Я говорил тебе, Зара, что я сделаю, если не будешь слушаться. Ты никому не нужна, и замуж тебя никто не возьмет. Мне проще отдать тебя бесплатно первому пожелавшему тебя в гарем, — продолжает Ахметов, и мне становится противно.

Всевышний! Что несет этот неверный? Что за чушь?

Желание разобраться и защитить честь девушки борется с расчетливостью. Мне не хочется прямо сейчас нажать себе врага в лице Ахметова. Да и руки он вроде не распускает. Пусть сами разбираются.

С этими мыслями я иду в душ. Но на душе так тревожно, как не было ни разу перед боем...

Глава 3.

Амир

До меня доносятся крики.

«На мать твою покойную смотрю и плакать хочется! Такую дурную родила, что и замуж не возьмет никто! Толстая, неуклюжая... Да кому ты такая нужна? Я тебя из милости содержу, дармоедка! И благодарить должна, на коленях ползать!»

Что-то холодное и тяжелое свернулось у меня в желудке. Это была уже не просто ругань начальника. Это было надругательство. Удар ниже пояса, причем по тому, кто не может ответить. По женщине. Шакал. Мелкий, трусливый шакал, который рычит только на привязанных.

Мышцы на спине напрягаются сами по себе. Старая ярость, та, что раньше выплескивалась на ринге контролируемым потоком, дернулась на цепи. Я глубоко вдыхаю, заставляю себя взять полотенце и гель для душа. *Иди умойся. Смой эту грязь. Он платит. Ты здесь не судья.*

«Все мне опозорила, тупица! Марш убирать раздевалки! И чтобы ни пылинки! А то вышвырну на улицу, будешь в помойках ковыряться!»

Как можно так? Как можно так говорить с человеком?

Я сжимаю кулаки, почувствовав, как содранная кожа на костяшках жжет. Сделал шаг вперед... и остановился.

А что ты сделаешь, Амир? Придешь на помощь? Ты — Зверь с подпольного ринга. Ты здесь не для того, чтобы спасти принцесс. Он хозяин. Он платит за твои бои. Ты вяжешься — потеряешь все. И что ты ей дашь? Минутную передышку? А завтра он на нее наорет еще сильнее. Или выгонит. И она действительно пойдет копаться в помойках.

Мысли метались, как затравленные звери, сталкиваясь с холодной стеной реальности. Я не герой. Я выживший. И выживают здесь, в этом городе, не благодаря благородству.

Стиснув зубы так, что заболела челюсть, я быстрыми шагами иду к душевой. Нужно смыть с себя не только пот и кровь. Нужно смыть этот приступ глупого, ненужного рыцарства. Этот стыд за собственное бездействие.

Душ. Кабина с облупившейся кафельной плиткой цвета гниющей зелени. Я включил воду, сначала ледяную, почти обжигающую. Поток ударяет по затылку, по плечам, заставляет вздрогнуть все тело. Я стою, упираясь ладонями в холодную стену, закрыв глаза, позволяя воде бить в себя, словно пытаюсь смыть даже память о той фигуре в сером балахоне.

За шипением воды и гулом в трубах в голову полезли воспоминания. Не мысли — именно воспоминания, чувственные и яркие.

Январь. Лас-Вегас. Неоновая агония ночного города за окнами отеля. Но для меня весь мир уже сузился до восьмиугольника клетки на арене MGM Grand. Не гул толпы — сплошной, физический грохот, бьющий в диафрагму. Свет софитов ослепляет. Противник — бразилец, левша, с репутацией громилы. У меня был план. Я вел в счете. Чувствовал его замешательство, его усталость. Зверь внутри, тот самый, что позже станет просто кличкой, уже потирал лапы, чуя победу, настоящую, большую. Титульный бой. Пик всего, ради чего я жил.

Я пошел на сближение, чтобы закончить. Контр-удар, клинч, и... Не боль. Сначала не было боли. Было ощущение, будто в колене кто-то выдернул штепсель. Опора исчезла. Просто растворилась в воздухе. Я не упал от удара. Я рухнул, как подкошенный, от предательства собственного тела. И тогда, уже в падении, я увидел его ногу — она летела ко мне в голову с такой силой, что воздух засвистел. Я не успел даже прикрыться.

Вспышка. Не света. Вспышка абсолютной, белой тишины внутри черепа. На секунду весь мир выключился. Потом он вернулся — оглушительным рёвом двадцати тысяч глоток, пронзительным свистком рефери и адской, разрывающей болью в колене и в голове одновременно. Я не чувствовал лица. Я чувствовал, как что-то горячее и соленое заливает глаза.

Не слезы. Кровь. А потом — только взгляд на потолок арены, на ослепительные софиты, и понимание, тихое и леденящее: все кончено.

Я открываю глаза. Вода почти горячая. Я стою, дрожу, но не от холода. От этой памяти, которая, казалось, выжгла все внутри. Колено, то самое, ноющее отозвалось, как бы подтверждая: да, это был конец. Конец Амира Тарханова, чемпиона. Начало Амира Тарханова, калеки, вынужденного драться в подвалах для таких, как Ахметов.

Вот зачем я здесь. Не только за деньгами, которых, конечно, не хватало. А за этими несколькими минутами в клетке. Когда кулак встречается с челюстью, когда нужно уворачиваться от летящего в висок локтя, когда все твоё существо сосредоточено на выживании в следующие пять секунд — в эти мгновения я не чувствовал себя сломанным. Я не чувствовал пустоты. Я был жив. Целостен. Пусть эта целостность была иллюзией, построенной на боли других и риске для себя. Другой у меня не было.

Это саморазрушение. Я это прекрасно понимаю. Но оно единственное, что еще хоть как-то грело изнутри.

Я резко выключаю воду. Внезапная тишина оглушает. Стою, слушая, как капли падают с тела на кафель. *Тик. Тик. Тик.* Как отсчет времени, которого у меня уже не было.

Вытираюсь грубым, жестким полотенцем, натягиваю черные тренировочные штаны, чистую темную футболку. Нужно уйти. В бар. Выпить что-нибудь крепкое, чтобы заглушить и память о травме, и образ сгорбленной спины в сером. Чтобы Зверь успокоился и снова уснул до следующего боя.

Я выхожу из душа, все еще в своих мыслях, в этом кислом послевкусии от собственных размышлений. Делаю шаг по скользкому от влаги полу...

Потом резкий удар в грудь, и кто-то отскакивает от меня с тихим вскриком.

Глава 4.

Амир

Воздух в баре «Стальной Каньон» густой, как бульон: табачный дым, пар от кофемашины, сладковатый запах разлитого пива и чего-то еще — отчаяния, может быть. Или просто пота. Здесь собираются такие, как я. Бывшие, почти-бывшие, и те, кто никогда ничем не станет, но все еще пытается цепляться за призрак мужской состоятельности. Спортивные трико на некоторых, растянутые футболки на других. Я прохожу к концу стойки, к своему обычному месту у стены. Отсюда виден и вход, и большая часть зала, и зеркало за полками с бутылками, в котором все отражения кривые, уродливые.

Бармен, Дато, мой ровесник с усталыми глазами и быстрыми руками, кивает, не спрашивая. Через минуту передо мной стоит стакан с чистым виски, без льда. Я беру его, почувствовав шероховатость граней, и делаю первый глоток. Огонь медленно сползает по горлу, разливается в желудке, начинает свою работу — размывать острые углы.

Мысли все равно лезут в голову, навязчивые и противные. Тот голос Ахметова. Сгорбленная спина в балахоне. И моя собственная спина, повернутая к этой сцене. *Не твое дело.* Сколько раз я себе это говорил? С тех пор, как понял, что большой спорт — это не братство, а джунгли. С тех пор, как менеджер, после травмы, перестал брать трубку. Каждый сам за себя. Закон выживания.

Я ловлю свое отражение в грязном зеркале. Короткая щетина на голове, борода, шрам над бровью, белесый на смуглой коже. Глаза смотрят на меня пусто, как у выгоревшего дома. *Зверь.* Ирония в том, что настоящие звери в этих джунглях были другими. Такими, как Ахметов. Те, кто разрывал добычу не клыками, а словом, унижением, властью денег.

— Опять победил? — голос Дато возвращает меня в реальность. Он вытирает бокал, глядя на меня оценивающе.

— Разве бывает иначе? — отвечаю, но без привычной бравады. Голос звучит устало.

— Бывает, — Дато пожимает плечами. — Время не щадит. Да и молодые голодные. Тот, что сегодня с тобой дрался, скоро за твое место в основных боях поборется. У него здоровье крепкое.

Он не со зла. Он просто констатирует факт. Как констатировал погоду. И он прав. Мое здоровье не крепкое. Мое здоровье — это колено, которое нужно беречь, и голова, в которой иногда звенит от забытых ударов. Но что у меня есть, кроме этого? Навык. Холодная злоба. И отсутствие выбора.

— Пусть борется, — говорю, допивая виски. — Посмотрим, кто голоднее окажется.

Дато хмыкает и отставляет бокал. Он знает, что я прав. Голод голодом, но опыт и ярость выжившего — другая категория.

В этот момент дверь в подсобку за барной стойкой распахивается, и оттуда выходит девушка. Официантка. В самой откровенной форме, которую любит Ахметов: короткая черная юбка, плотно облегающий корсет, подчеркивающий грудь и талию. Волосы, темные и густые, были собраны в строгий пучок, но несколько прядей выбиваются, обрамляя лицо. В руках у нее поднос с пустыми стаканами.

Я замираю, стакан на полпути к губам.

У нее открытое лицо, смелые, хотя и усталые глаза, уверенные движения. Но... что-то. Что-то щелкает в глубине сознания, как сработавший механизм. Разрез глаз? Форма губ, плотно сжатых в тонкую ниточку? Или просто смуглая кожа, отливающая золотом при свете неоновой вывески? Не знаю. Но взгляд мой зацепился. Зверь внутри, только что дремавший, приподнял голову и насторожил уши.

Она двигается между столиками быстро, ловко, избегая похлопываний по заднице и грязных шуток — обычный фон для этого места. Ее лицо каменная маска профессиональной учтивости, но в уголках глаз я улавливаю то же самое напряжение, что видел в сгорбленных плечах уборщицы. Тот же стыд, спрятанный за ширмой действий.

— Кто это? — спрашиваю у Дато, кивнув в ее сторону.

Дато бросает беглый взгляд.

— Зара, что ли? Новенькая. Неделю как. Работает на двух работах, говорят. Тяжело, наверное, девочке.

Зара. Имя прозвучало в голове эхом. Я смотрю, как она наклоняется к столику, чтобы забрать пустые бутылки. Линия спины, изгиб шеи... Адреналин от боя, казалось, давно ушел, но в крови снова зашевелилось что-то теплое и тревожное. Я отгоняю это чувство. Нет. Это просто официантка. Одна из многих. Усталая, красивая, работающая в адском месте. И все.

Я заказываю еще виски. Решаю напиться. Забыть день. Забыть крик Ахметова. Забыть эту дурацкую, навязчивую мысль о двух девушках, которые почему-то спутались в голове в один тревожный образ.

Она подходит к моему концу стойки, чтобы забрать пустые стаканы. Я не смотрю на нее, уставившись в свой свежий стакан. Но боковым зрением вижу ее руку — тонкую, с аккуратными, не намазанными лаком ногтями, но с красными, будто от постоянной работы в воде, костяшками. Такие же красные костяшки были у той, в балахоне, когда она сжимала швабру.

Ее рука тянется к стаканам рядом со мной. И в этот момент какой-то пьяный детина с размаху поворачивается, задевает ее локоть.

Все происходит в долю секунды. Ее рука дергается. Поднос накренивается. Стакан с остатками моего первого виски опрокидывается и выливается прямо мне на руку, на штаны, на сиденье.

Тишина на нашем участке бара повисает на мгновение. Парень, виновник, уже сгинул в толпе.

Она замирает, глаза расширяются от ужаса. И вот тогда, в этом испуге, в этом безмолвном «о», которое сложили ее губы, я увидел. ТО САМОЕ. Тот самый оттенок паники, что был в глазах девчонки в душе. Не просто испуг официантки перед разгневанным клиентом. Глубже. Как будто мир рухнул.

— Я... я простите, я сейчас... тряпку... — она лепечет, ее каменная маска разбивается вдребезги, открыв молодое, растерянное лицо. Голос тихий, срывающийся, и в нем нет наглой уверенности барышни из бара. В нем та самая, знакомая уже зажатость.

Глава 5.

Амир

Я ловлю ее за локоть и тащу в ту самую подсобку. В тесном пространстве среди ящиков с пивом. Запах ее шампуня, сладкий и чистый, отчаянно пытается перебить запах затхлого воздуха, мыла.

— Где я тебя видел? — мой голос хриплый, он звучит чужим даже для меня. Я прижимаю ее к холодной стене, чувствую, как дрожит все ее тело под тонкой, предательской тканью корсета. Он только подчеркивает формы.

— Нигде. Я не... Я просто официантка, — ее шепот полон лжи, которая режет слух.

Ложь. Я видел эти глаза. Угасающий мед, сейчас полный паники и еще чего-то — вызова? Стыда?

Я не могу себя остановить. Не хочу. Пригибаюсь и захватываю ее губы. Жестко. Вопросительно. Это и наказание, и проверка, и требование.

Она замирает. Не отвечает. Ее губы мягкие, невинные под моим натиском, абсолютно неискушенные. И это сводит меня с ума сильнее любой страсти.

Затем в ее теле происходит что-то — сдача, вздох, обрыв какой-то внутренней струны. Ее пальцы, сейчас такие беспомощные, впиваются в ткань моей футболки, цепляются. В мире не остается ничего, кроме темноты, ее вкуса — сладковатого, как запретный плод, и дикого рёва в висках, который кричит только одно слово: МОЯ.

Зверь просыпается окончательно и узнает свою добычу с первого прикосновения.

Но именно это осознание — ее невинности, ее абсолютной отдачи этому первому поцелую, несмотря на страх, — становится ее оружием. В тот миг, когда я на секунду теряю бдительность, оглушенный силой собственной реакции и этим диким чувством обладания, она использует мое замешательство. Резко и бесшумно, как тень, она выскальзывает из-под моих рук, ловко дергает дверь и исчезает в освещенном пространстве бара, не оглядываясь.

Я остаюсь стоять в полумраке, опершись лбом о холодную стену там, где только что было ее тепло. Сердце колотится, как после десяти раундов боя. Во рту все еще ее вкус. На руках — призрачное ощущение ее хрупких плеч. А внизу живота — тупая, требовательная боль неудовлетворенного желания, смешанного с яростью от того, что она ушла, и с восхищением перед ее дерзостью.

— Зара... — шепчу я в пустоту, и имя это больше не было просто именем официантки. Оно было ключом, который только что вставили в замок и едва повернули, заставив скрипнуть все механизмы моей загнанной души. Оно было началом шторма. Или концом спокойствия.

Я знаю одно: игра теперь ведется по новым правилам. И в ней участвуют двое. А шакал Ахметов, похоже, даже не подозревает, какое сокровище пытается растоптать.

Неделя проходит в тумане. Туман густой, липкий, состоящий из повторяющихся тренировок, тяжелого пота, криков учеников на ринге и навязчивого, невыносимого привкуса ее губ. Я пытаюсь его заглушить. Крепким кофе по утрам, протеиновыми коктейлями, вечерним виски. Не помогает. Он возвращается по ночам, когда город за окном затихает, а в голове, навязчиво, как заевшая пластинка, крутится момент, когда ее пальцы впились в мою майку.

Я искал ее. Нет, не искал. Я просто... замечал. В «Асгарде» после моих боев я больше не видел ту уборщицу. Только в баре видел официантку, похожую на ту девушку в балахоне. Всегда в этой черной униформе, всегда с опущенными глазами и профессиональной улыбкой, которая не доставала до глаз. Она научилась ловко избегать меня. Если наши взгляды случайно пересекались, она резко отворачивалась, а по ее щекам разливался тот самый предательский румянец. Зверь внутри рычал от этого вида, требуя действия, но что я мог сделать? Притащить

ее обратно в подсобку? В моем мире сила решала все, но эта... эта девчонка ставила все с ног на голову.

Сильнее желания было другое — та грязная сцена, свидетелем которой я стал. Сгорбленная спина. Голос Ахметова. Слова о матери. Это кипело во мне медленным, ядовитым гневом. Не моя забота. НЕ МОЯ. Я повторяю это, как мантру, бью по груше с такой силой, что крепления скрипят.

Сегодняшний бой в «Асгарде» особенный. Неофициальный турнир, ставки выше, публика пьянее и агрессивнее. Воздух в подвале наэлектризован чем-то помимо обычного азарта. Чувствовалась подленькая, хищная радость. Я уже в клетке, разминаюсь, когда Фарид Ахметов всходит на помост у ринга с микрофоном. На нем шелковый костюм цвета запекшейся крови, и он ухмыляется, как кот, нашедший сметану.

— Дамы и господа! Прежде чем наши гладиаторы прольют кровь за ваше удовольствие, небольшой анонс! — его голос ревет из колонок. — Скучные танцы — не для нас! Мы любим настоящие ставки!

Толпа заголосила одобрительно. Я перестаю разминаться, ощущая холодную тяжесть в животе. Мне не нравится выражение его лица.

— И сегодня, — продолжает Ахметов, делая театральную паузу, — ставка будет особенной! Живой!

С его легкой руки из-за кулис выталкивают фигуру в сером, безразмерном балахоне...

Глава 6.

Амир

Ее голова покрыта темным платком, лицо опущено в пол. Она стоит, съезжившись, держа ведро и швабру, будто они могли ее защитить. Смешки, свист, похабные крики покатались по залу. Кто-то кричит: «И что с ней делать? Пол мыть?»

Ахметов смеется, жирно и громко.

— С ней? Да на нее только смотреть! Толстая, неуклюжая девка. Дармоедка, которую я из жалости содержу! Но даже у такой... есть цена. Особенно если хорошенько присмотреться!

Он грубо берет ее за подбородок и задирает ее лицо к свету. Она зажмуривается, но не вырывается. Кажется, она вообще не дышит. Я вижу, как по ее щеке скатывается блестящая слезинка.

— Итак, условие! — Ахметов отпускает ее, и она снова утыкается взглядом в пол. — Победитель в главном бою получает... мою дочь! На ночь! Ну, или на выходные, если сил хватит! — Он сам хохочет над своим «остроумием».

В зале взрыв хохота и одобрительного улюлюканья. У меня в ушах звенит. Кровь, которая только что спокойно текла по венам, разогревая мышцы, мгновенно превращается в лед, а потом — в кипящую лаву. Я смотрю на нее. Она не просто унижена. Ее выставили натравленной толпе, как кусок мяса. Ее собственным отцом.

И в этот момент я ловлю ее взгляд. Она на миг поднимает глаза, мечет взгляд по залу, полному хищных, жадных рож, и он на секунду цепляется за меня. В ее глазах нет страха. Там абсолютная, бездонная пустота. Отчаяние, которое уже перешло все границы и стало просто тишиной. Это взгляд человека, которого уже убили. Окончательно.

Этот взгляд перерезает последние нити моего самообладания. То, что происходит дальше, это чистый инстинкт. Зверем, вырвавшимся на волю, но не слепо — с холодной, сфокусированной яростью.

Я не помню, как вышел из клетки. Помню, как оттолкнул промоутера. Как шагнул к помосту. Толпа притихла, ожидая новой шутки.

— Я вызываю победителя, — говорю, и мой голос, низкий и без интонаций, заглушает гул. Я смотрю не на Ахметова, а прямо перед собой. — Прямо сейчас. Без перерыва. Если я выиграю — ставка моя. И ты, Фарид, больше никогда ее не тронешь. Никогда. Понял?

Тишина становится оглушительной. Ахметов перестает ухмыляться. Его маленькие глазки сужаются, оценивая. Он видит во мне не бойца, а актив. Но сейчас в моих глазах горит что-то, что выходит за рамки контракта.

— Амир, дружище, не горячись... — начинает он масляно, но я перебиваю его.

— Да или нет? Или твои бои — просто цирк для трусливых барыг, которые боятся честных ставок?

Это вызов, который он не мог проигнорировать перед всей своей публикой. Его лицо искажает злоба, но через секунду он снова улыбается, уже другой, хищной улыбкой.

— Хочешь быть рыцарем для толстухи? Пожалуйста! Видел ее соперника? — Он кивает в сторону клетки, где стоит мой предполагаемый оппонент — громила с гор, которого я уже однажды ломал. — Он сегодня в ударе. И он тоже слышал про твое колено, Зверь.

Публика ревет, запах крови в воздухе становится буквальным. Ахметов хватается девушку за руку и грубо тащит с помоста.

— Устраивайся поудобнее, дармоедка, смотри, как за тебя будут драться! — бросает он ей в лицо.

Я не смотрю, как она садится. Я уже поворачиваюсь к клетке. Все лишнее выходит из головы. Травма, боль, усталость. Остается только цель. Точная, как прицел. Выиграть.

Гонг.

Мой противник рвется сразу, зная, видимо, про мое слабое место. Он работает ногами, стараясь бить по опорной левой, кружит. Я почти не двигаюсь с места, берегу силы и колено. Пропускаю удары, принимая их на блок, изучая его ритм. Он силен, молод, зол. Но в его глазах горит только спортивный азарт. В моих — нечто другое.

Он идет в очередную атаку, мощный лоу-кик в мою ногу. Вместо того чтобы отпрыгнуть, я делаю шаг вперед, прямо под удар. Боль в бедре вспыхивает ярко и остро, но я уже внутри его дистанции. Мой левый хук приходится точно в солнечное сплетение. Он ахает, сгибается. Правый апперкот в челюсть — чисто, с силой, от которой он отрывается от пола и рушится на ограждение.

Тишина. Потом — взрыв. Я стою над ним, тяжело дыша, чувствуя, как колено плавится от боли. Но я стою.

Я поворачиваюсь к краю ринга, к тому месту, где в первом ряду сидит Ахметов, а рядом, бледная как полотно, застыла девчонка. Я ловлю ее взгляд и медленно, отчетливо киваю.

Потом смотрю на Ахметова.

— Она уходит со мной. Сейчас. И если я когда-нибудь услышу, что ты сказал ей хоть слово поперек... — я делаю паузу, давая словам осесть. — Я вернусь. И мы выясним отношения уже без правил. Не в клетке.

Я не жду ответа. Отстегиваю перчатки, швыряю их на пол и, преодолевая хромающую, адскую боль в ноге, выбираюсь из клетки. Публика расступается передо мной. Я прохожу к девчонке, все еще не верящей, окаменевшей. Не говоря ни слова, беру ее за локоть — аккуратно, но твердо.

— Идем, — говорю я, и это звучит не как просьба, а как констатация факта нового мира, в котором для нее только что изменились все правила.

Она не сопротивляется. Она просто позволяет вести себя, как слепая. Мы выходим на ночную улицу, оставив позади рев «Асгарда». Холодный воздух обжигает легкие. Я не знаю, куда ее вести. Не знаю, что говорить. Я только знаю, что сделал это. И что обратной дороги нет. Для обоих.

Глава 7.

Амир

Машина несется по ночным улицам, оставляя за собой светящийся шлейф фонарей. Тишина внутри салона громче любого крика. Я сжимаю руль так, что костяшки белеют, пытаюсь сосредоточиться на дороге, а не на тепле ее тела рядом. Она сидит, прижавшись к дверце, словно готова в любой момент выпрыгнуть на ходу. От нее исходит легкая дрожь, которую она безуспешно пытается скрыть.

Я краем глаза вижу, как она украдкой стирает с лица мокрый след. Слезы? Пот? Неважно. Меня самого трясет от адреналиновой ярости, которая не нашла выхода в драке. Она выливается в резкие переключения передач, в свирепое внимание к дорожным знакам. Я увез ее. Просто взял и увез. Что теперь? Этот вопрос грохочет в голове, заглушая даже боль в колене.

Мой дом — не крепость. Двухкомнатная квартира в спальном районе, которую я купил на первые крупные гонорары. Здесь все говорит о функциональности и одиночестве. Минимализм, граничащий с пустотой: кровать, телевизор, пара стульев на кухне, спортивный инвентарь в углу. Ни ковров, ни картин, ни безделушек. Место для сна и восстановления между тренировками и боями.

Я открываю дверь, пропускаю ее вперед. Она замирает на пороге, оглядывая стерильно-чистый, холодный интерьер, будто зашла в камеру.

— Заходи, — говорю я, и голос звучит хрипло от напряжения. — Это безопасно.

Она делает маленький, неуверенный шаг внутрь. Стоит посреди гостиной, не зная, куда деться, все еще сжимая в руках свой балахон. Она похожа на испуганного ежа, который свернулся в клубок, но иглок у нее нет. Только этот огромный, беспомощный взгляд.

— Садись, — указываю я на кресло. — Хочешь чаю? Воды?

Она молча качает головой, но на кресло все-таки опускается, на самый край. Сидит прямо, руки сложены на коленях, взгляд прикован к полу. Тишина снова сгущается, давя на уши.

Я иду на кухню, больше чтобы занять себя, чем потому, что хочу пить. Наливаю два стакана воды. Руки слегка дрожат. Я возвращаюсь, ставлю стакан перед ней на низкий столик. Сажусь в кресло напротив, сохраняя дистанцию. Нельзя ее пугать. Хотя, черт возьми, она уже напугана до полусмерти.

— Как тебя зовут? — спрашиваю я. Вопрос вырывается сам, банальный и необходимый, чтобы заполнить пустоту.

Она поднимает на меня глаза. В свете торшера ее лицо кажется еще более хрупким, а глаза — еще глубже.

— Зара, — говорит она почти беззвучно.

Зара. Имя отзывается в памяти слабым эхом. Нет, не может быть. Мозг, затуманенный яростью и болью, отказывается складывать пазл.

— Зара, — повторяю я, пробуя имя на вкус. Оно мягкое, теплое. Не вяжется с тем образом забитой мышки, что сидит передо мной. — Меня Амир.

Она кивает, уже зная. Все здесь знают Амира Тарханова. Зверя.

— Ты... его дочь? — спрашиваю я, хотя ответ очевиден. Но мне нужно услышать от нее. Нужно понять связь.

Она сжимается еще сильнее, словно от удара. Кивает, едва заметно. Потом губы ее шевелятся:

— Да.

Одно слово. А за ним — пропасть унижений, о которых я лишь догадываюсь. Во мне снова закипает гнев, но я сжимаю челюсти. Не сейчас. Не при ней.

— Почему? — не удерживаюсь я. — Почему он так...?

Она пожимает плечами, и этот жест безысходности говорит больше любых слов.

— Он ненавидит меня. Считает, что я... обуза. Что я виновата в смерти матери. И что я ничего не стою.

Говорит она монотонно, как заученный урок, от которого тошнит.

Молчание. Я пью воду, но она не утоляет жажды. Во рту пересохло.

— Что ты теперь будешь делать? — спрашиваю я, уже понимая всю идиотскую безвыходность ситуации. Я забрал ее из одного ада. Но куда ей деваться? У нее нет ничего. Ни денег, ни друзей, ни навыков, кроме мытья полов.

Она смотрит на свои руки.

— Не знаю. Вы... вы можете отвезти меня обратно.

В ее голосе нет вызова. Есть покорность судьбе, которая леденит душу.

— Нет, — говорю я резче, чем планировал. — Обратно — не вариант. Ты останешься здесь. На сегодня. Пока не придумаем что-то.

Ее глаза расширяются.

— Здесь? Но я... я не могу...

— Можешь, — перебиваю я. — Вторая комната — гостевая. Там чисто. Никто тебя не тронет.

Я встаю, давая понять, что дискуссия окончена. Подхожу к двери в небольшую спальню, которую использую как кабинет. Открываю. Внутри диван-кровать, пустой шкаф, стол.

— Здесь. Ванная там. Чистые полотенца в шкафчике.

Она медленно поднимается с кресла и, не глядя на меня, проскальзывает в комнату. Останавливается посередине, все так же потерянная.

— Спасибо, — слышу я ее тихий голос, обращенный больше к стене, чем ко мне.

Я киваю, хотя она не видит.

— Спи. Завтра... завтра разберемся.

Закрываю дверь, оставляя ее одну. Возвращаюсь в гостиную и падаю в кресло. Провожу руками по лицу. Что я натворил? Я, Амир Тарханов, который избегает любых привязанностей, который отшивает всех, кто пытается приблизиться, вдруг привез к себе домой девушку. Дочь самого опасного человека в городе. Из-за порыва ярости? Из-за жалости?

Нет. Не только. Признаюсь себе в темноте гостиной. Она зацепила меня с первой секунды. Этим столкновением. Этим взглядом.

Но там, в баре, ее призрак меня преследовал. И этот поцелуй в подсобке с другой Зарой... Он перевернул все с ног на голову. Это было не просто желание. Это было... узнавание. Как будто какая-то часть меня, дремавшая годами, проснулась и сказала: вот она.

Но она — не официантка из бара, с которой можно крутить роман. Она — Зара Ахметова. Проблема. Огромная, опасная проблема.

Я слышу за дверью тихие звуки: шаги, скрип дивана, потом — тишина. Представляю, как она лежит, уставившись в потолок, в страхе и полной растерянности.

Мой телефон вибрирует в кармане. Вытаскиваю. Незвестный номер. Но я знаю, кто это. Отвечаю молча.

— Тарханов, — голос Ахметова на другом конце шипит, как раскаленный металл в воде. — Ты перешел черту. Ты забрал мое имущество.

— Она не имущество, Фарид. Она человек. Твоя дочь.

Истерический смех.

— Сантименты? От тебя? Я плачу тебе за драки, а не за благотворительность. Вернешь ее до утра. Или наш контракт — в помойке. И твоя репутация тут же последует за ним. Я сделаю так, что ни одна подпольная арена в радиусе пятисот километров тебя не пустит.

Угроза реальная. Ахметов связан со всеми теневыми делами в городе. Без этих боёв... что у меня останется? Тренировки подростков за копейки? Правда, никто не знает, что у меня всегда есть запасной план.

— Подумаю, — бросаю я и кладу трубку, не давая ему сказать еще что-то.

Бросаю телефон на стол. Он глухо стучит по дереву. Я сижу в темноте, слушая тиканье часов на кухне и собственное тяжелое дыхание.

Раньше все было просто. Выжить. Драться. Забывать. Теперь в уравнение добавилась она. Хрупкая, запуганная Зара.

Я закрываю глаза. Перед ними встает не ее испуганное лицо, а другое. Лицо официантки из бара — уставшее, но с искоркой. И я снова чувствую вкус ее губ. Сладковатый, с горьким привкусом страха.

Зара. Имя обжигает, как откровение. Официантка в баре... ее тоже звали Зарой. Бармен сказал. Совпадение? В городе много девушек с таким именем? Но... что, если? Нет, не может быть. Та девушка в баре была другой. Уверенной, хоть и напуганной. А эта... эта сломлена.

Но почему тогда тот поцелуй в подсобке чувствовался так... по-настоящему? Почему в ее реакции, в ее неопытности, была та же самая правда, что и в покорности, с которой Зара Ахметова сейчас сидит в соседней комнате?

Голова раскалывается. От боли в колене, от усталости, от этой чертовой головоломки. Я откидываюсь на спинку кресла, уставившись в потолок.

Я выиграл ее в бою. Но теперь понимаю, что настоящая битва только начинается. И противник в ней — не громила на ринге, а ее отец. И, возможно, мои собственные демоны. И эта странная, необъяснимая тяга к девушке, чье имя, кажется, начинает связывать воедино все тревожащие кусочки моего мира.

Глава 8.

Амир

Боль в колене — живая, пульсирующая тлеющая уголь. Она не дает покоя, наваливается в темноте свинцовой тяжестью. Я лежу на диване в гостиной, уставившись в потолок, где от фонаря за окном пляшут бесформенные тени. Таблетки не берут. Не хочу гасить сознание — оно и так в хаосе.

Мысли — стая хищных птиц. Контракт. Ахметов. Его угроза, четкая и звонкая, как шелчок взведенного курка. «Имущество». Так он назвал свою дочь. Во рту встает горечь, как от желчи. Я много видел подлости. Но эта — особого сорта. Липкая, ядовитая.

И она. За стеной. Тишина оттуда давит сильнее любого шума. Что она сейчас делает? Спит? Вряд ли. Сидит в темноте, как и я? Боится меня? Должна бояться. Все меня боятся. Это проще.

Я ворочаюсь, стараясь найти положение, в котором нога не будет ныть так отчаянно. Бесполезно. Боль — лишь физическое подтверждение общего краха. Я, который всегда действовал по принципу «выживает сильнейший», вдруг совершил поступок, не имеющий никакого рационального объяснения. Я подставился. Из-за чего? Из-за пары испуганных глаз? Из-за приступа рыцарства, которого во мне отродясь не было?

И тогда, сквозь гул в ушах и вой мыслей, пробивается другой звук. Тихий. Подавленный. Почти неслышимый.

Я замираю, прислушиваюсь. Снова.

Скупое, задыхающееся всхлипывание. Не рыдания, а именно что всхлипы — будто кто-то душит плач внутри, но он все равно вырывается щелями, болезненными и бесконечно одинокими.

Она плачет.

Все мое тело напрягается, как струна. *Не лезь. Не твое дело. Она плачет — и что? Выпускает пар. Утром будет проще.*

Но другой внутренний голос, новый, чужой, говорит тише и настойчивее: *Одна. В чужом доме. Униженная до предела. И ты ее туда привез.*

Я сбрасываю одеяло и встаю. Колено пронзает острая боль, я едва не падаю, хватаясь за спинку дивана. Чертыхнувшись сквозь зубы, ковыляю к двери в ее комнату. Не стучу. Осторожно нажимаю на ручку.

Дверь бесшумно поддается. В комнате темно, только слабый свет с улицы падает на пол и на фигуру, сидящую на краю дивана. Она не лежит. Она сидит, сгорбившись, обхватив себя руками, лицо уткнуто в колени. Ее спина вздрагивает в такт тем самым, душащим ее, всхлипам. На ней все тот же серый балахон. Она кажется такой маленькой и сломанной, что у меня сжимается горло.

— Зара, — говорю я тихо, не желая пугать.

Она вздрагивает, как от удара, резко выпрямляется и отшатывается вглубь дивана, задирая голову. В полумраке я вижу мокрое от слез лицо, распухшие глаза, полные нового витка паники.

— Я... я не... извините, — она пытается вытереть лицо рукавом, но трясущиеся руки мешают. Ее голос — хриплый шепот, разбитый о камень стыда.

— Не извиняйся, — говорю я, останавливаясь на пороге. Не решаюсь войти. Эта комната сейчас — ее единственная территория, а я уже нарушил границу.

— Не могу уснуть. Услышал.

Она молчит, снова опуская голову. Плечи продолжают мелко трястись.

— Все кончено, — говорю я, и слова звучат неуклюже, фальшиво даже в моих ушах. — Он не придет сюда. Ты в безопасности.

Она издает короткий, горький звук, что-то между смешком и новым всхлипом.

— Безопасность? — ее голос набирает какую-то странную, хрупкую силу. — А завтра? Послезавтра? Куда я денусь? Кто я такая? Никто.

— Ты не никто, — возражаю я, и в голосе прорывается та самая ярость, но направленная теперь не на нее, а на весь мир, который довел ее до этого. — Ты — человек. У тебя есть имя.

Она поднимает на меня глаза. Слезы блестят на ресницах, но в глубине, сквозь боль, пробивается что-то острое. Колкое.

— Имя? — повторяет она. — А какое тебе дело до моего имени, Амир?

Меня слегка задевает ее тон.

— Я спрашивал. Ты сказала.

— А ты поверил? — она смотрит на меня пристально, и в ее взгляде появляется странный, испытующий вызов.

Что это? Игра? Истерика? Я молчу, пытаюсь понять.

Она медленно вытирает щеку, ее движения становятся чуть менее дрожащими.

— Ты спас меня сегодня. С ринга. — Она делает паузу. — А раньше? В баре? В подсобке? Ты тогда... тоже хотел спасти?

Воздух выходит из легких. Как будто меня ударили точно в солнечное сплетение. *В баре. В подсобке.* Слова висят между нами, тяжелые и неоспоримые. Мой мозг, который отказывался складывать картинку, вдруг срывается с тормозов. Складки серого балахона, скрывающие формы... которые потом так явно проступили под тканью корсета. Испуганные глаза цвета темного меда — в душе, в баре, здесь. Красные от работы костяшки пальцев. Имя. Одно и то же имя.

Но нет, это невозможно. Та девушка в баре... она целовалась. Она ответила на поцелуй. А эта...

И тогда она говорит. Тихим, но абсолютно четким голосом, в котором слышно каждую трещинку боли и горькой иронии:

— Почему ты меня тогда не узнал?

Время останавливается. Звуки улицы за окном глохнут. В ушах — только белый шум нарастающего озарения.

Я смотрю на нее. На этот сломленный стан, на это лицо, с которого сейчас, сквозь слезы, смотрит на меня не жертва. Смотрит та самая девушка. Та, что вылила на меня напиток. Та, чьи губы я помню до сих пор. Та, что вырвалась и убежала.

Все кусочки с грохотом встают на место. Зара Ахметова. Уборщица. И... официантка. Одна и та же. Играющая роль, чтобы выжить. Спрятавшаяся за двумя масками, чтобы отец... чтобы он что? Не догадался? Или чтобы просто свести концы с концами?

— Это... ты, — вырывается у меня хриплый, лишенный воздуха звук. Не вопрос. Констатация. Удар миной замедленного действия, который наконец разорвался прямо в груди. — В баре. Это была ты.

Она не отвечает. Она просто смотрит. И в этом взгляде теперь — все. Признание. Страх. Стыд. И тот самый вызов, который я поймал в подсобке, прежде чем она сбежала.

И я понимаю. Я не просто забрал у Ахметова дочь. Я забрал у него девушку, которая посмела ему перечить. Которая нашла в себе силы вести двойную жизнь. Которая ответила на поцелуй незнакомца в темноте, потому что, возможно, это был ее первый и последний шанс почувствовать что-то, кроме страха.

Я стою на пороге, и мир вокруг меня переворачивается с ног на голову. Внезапно я вижу не жертву. Я вижу Зару. Настоящую. Единственную.

Глава 9.

Амир

Тишина после ее слов гудела в ушах, плотная, как вата. Я стоял на пороге, и все мое тело, каждая мышца, каждый шрам, будто заново осознавали пространство. Воздух между нами вибрировал от невысказанного. Она — та самая. Две маски, одно целое. Изнанка страха, на которую я отреагировал тогда, в душе, животным позывом. И лицевая сторона — дерзкая, испуганная, но ответившая на мой поцелуй.

— Почему ты молчала? — слышу я свой голос. Он звучит глухо, почти беззвучно, но в нем нет прежней хриплой резкости. Только потребность понять.

Она отвечает не сразу. Смотрит на свои руки, сцепленные в бессилии на коленях.

— Страшно было. Сказать. Всем. И тебе тоже. Ты — Зверь. Ты мог рассказать ему. Или... решить, что я обманщица. Гадкая, которая прячется.

Она поднимает глаза, и в них — та самая горькая ирония.

— А так... ты просто пожалел несчастную толстушку. Это проще, правда?

Ее слова бьют сильнее любого удара. Потому что в них есть доля правды. Мною двигала ярость, возмущение, инстинкт защитить слабого. Но был ли там... интерес к ней? Да. С самого начала. Только я сам боялся в этом признаться, даже себе.

Я делаю шаг внутрь комнаты. Потом еще один. Колено ноет, но я почти не чувствую боли. Все мое внимание приковано к ней. Она не отодвигается, не пятится. Замирает, затаив дыхание, следя за моими движениями, как маленький зверек, оценивающий намерения хищника.

Но я не хищник. Не сейчас. Во мне что-то переломилось. Стена цинизма, за которой я прятался годами, дала трещину, и сквозь нее хлынуло что-то неуправляемое и теплое.

Я останавливаюсь перед диваном и медленно, давая ей время отпрянуть, опускаюсь на колени. Так, чтобы наши лица оказались на одном уровне. Чтобы она смотрела на меня не снизу вверх, а как на равного.

— Я не пожалел, — говорю я, и каждое слово приходится вытаскивать из какой-то глубины, где давно не бывал. — Я... увидел. Себя. Только в другом обличье.

Она не понимает. Я вижу это по ее взгляду.

— Униженного. Сломленного. Но все еще живого. И ненавидящего это, — объясняю я, и это ближе к правде, чем что-либо другое.

И тогда я протягиваю руку. Не чтобы схватить. Просто касаюсь кончиками пальцев ее щеки, стирая остаток влажной дорожки от слезы. Кожа под пальцами нежная, обжигающе горячая. Зара вздрагивает, но не отстраняется. Ее глаза становятся еще больше, в них читается немой вопрос, смешанный с недоверием и какой-то жадой.

Мое движение кажется мне неуклюжим, но я не останавливаюсь. Рука скользит к ее затылку, под темный платок, который она все еще не сняла. Я чувствую упругие, шелковистые волосы, собранные в тугий узел. Медленно, чтобы не испугать, стягиваю ткань. Платок беззвучно падает на диван. Ее волосы, темные и тяжелые, выбиваются из пучка, обрамляя лицо, делая его еще моложе, уязвимее.

Я не могу больше сдерживаться. Все, что копилось с момента столкновения в душе, с того украденного поцелуя в темноте бара, с дикой ярости на ринге — все это требует выхода не в драке, а в этом. В прикосновении.

Я притягиваю ее к себе. Не жестко, не как в подсобке. Тяну медленно, давая ей возможность отказаться. Она не отказывается. Ее тело податливо обмякает, и она падает мне на грудь, пряча лицо в изгибе моей шеи. Ее руки, сначала нерешительные, потом цепко обвивают мою спину, впиваются пальцами в ткань футболки, как тогда. Только теперь в этом нет отчаяния бегства. Есть дерзкая, отчаянная надежда.

Я обнимаю ее. Крепко. Так, чтобы она почувствовала всю мою силу, но не как угрозу, а как защиту. Как убежище. Она дрожит, но уже не от рыданий. От чего-то другого. Ее дыхание горячими прерывистыми волнами обжигает мне кожу.

— Я не отпущу тебя, — шепчу я ей в волосы, и это не угроза.

Это клятва, вырвавшаяся из самого темного, самого правдивого места внутри. Я говорю это и понимаю — это правда. Абсолютная. Неважно, что будет завтра с контрактами, с Ахметовым, с моей хромой карьерой. Эту дрожь в своих руках, это доверие, которое она, вопреки всему, мне оказывает — я уже не смогу отдать. Никому.

Я отодвигаюсь ровно настолько, чтобы увидеть ее лицо. Провожу большим пальцем по линии брови, по скуле, по влажной от слез щеке. Каждое прикосновение — вопрос и утверждение одновременно. Она смотрит на меня, не мигая, ее губы чуть приоткрыты.

Я наклоняюсь и целую ее в макушку. Вдох запаха шампуня, пота и чистого страха. Потом — в лоб. Легкое, едва ощутимое прикосновение губами к ее горячей коже. Потом — на веко, чувствуя, как оно трепетно закрывается под моим поцелуем.

Она замирает, полностью отдавшись этому странному, нежному ритуалу. Ее пальцы слегка разжимают хватку на моей спине.

И наконец, когда мое дыхание смешивается с ее, когда я вижу, как в ее глазах тает последняя льдинка страха, сменяясь чем-то чистым и беззащитным, я касаюсь ее губ.

Не как в подсобке. Не жестко, не вопросительно. Медленно. Почти с благоговением. Давая ей время осознать, отозваться. И она отзывается. Ее губы начинают двигаться в ответ, неуверенно, неопытно, но с такой жадной отдачей, что у меня перехватывает дыхание. В этом поцелуе нет страсти из бара. В нем есть что-то новое. Доверие. Принятие. И та самая, оголенная правда, которую мы оба так долго прятали.

Когда мы наконец разъединяемся, чтобы перевести дух, я держу ее лицо в своих ладонях. Смотрю в эти глаза — теперь ясные, без тени лжи.

— Зара, — говорю я, и ее имя звучит как обет. — Все кончено. Он тебя больше не тронет. Я сделаю так.

Она молча кивает, веря. Потом ее губы дрогнут в подобии улыбки — первой, которую я вижу на ее лице. Хрупкой, как первый лед.

И я понимаю окончательно, с ясностью, равной по силе боевому трансу: я пропал. Эта девушка, с ее двойной жизнью, ее тихой силой и детской неумелостью в поцелуях, стала моей точкой невозврата. Зверь нашел не добычу. Он нашел дом. И чтобы защитить его, он пойдет на все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.